

греков, могло быть не бесполезным для русских, для внушения последним большего уважения и почтения к греческому царству. Мы не имеем данных предполагать, чтобы им воспользовался автор «Хронографа по великому изложению», памятника, составленного в конце первой половины XI в., как это мы можем говорить о других памятниках; его наличие определяется концом XI или началом XII века. Но от конца XI до конца его же первой половины не такое уже большое расстояние, чтобы можно было видеть в этом какое-либо препятствие. Однако, если мы и признаем его наличие в конце XI в., все-таки выходит, что он исчез из употребления, будучи почему-то вытеснен пришедшим от южных славян новым переводом, который был под руками у авторов второй редакции Александрии и второй редакции Еллинского Летописца («Александрия русск. хроногр.», стр. 160—2 и 189—191). А оба эти памятника не старше конца XII века и не моложе первой половины XIII; выходит, следовательно, что к этому времени на Руси появился новый южно-славянский перевод Откровения, а старый, русский перевод почему-то исчез из употребления.

В. Истрин.